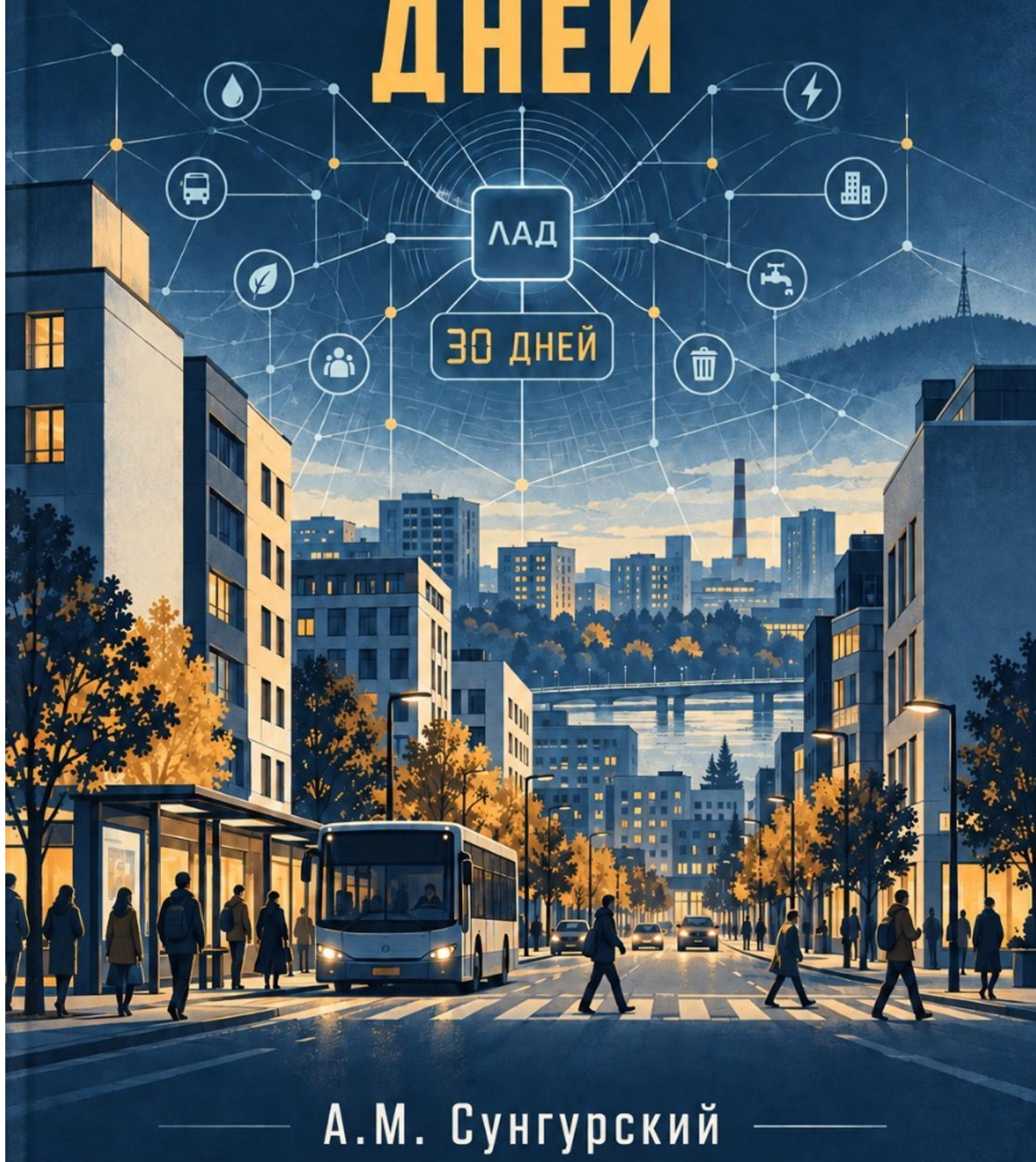

ГОРОД НА ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Город на тридцать дней

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Город на тридцать дней / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Через тридцать дней Ветлин останется без «Лада» — искусственного интеллекта, который годами составлял маршруты, сводил заявки и напоминал людям о том, что они забыли. Комбинат закрывается. Оплачивать привычную заботу больше некому. Уволенный техник Антон Ракитин, учительница Вера и разработчица Нина берутся передать городские дела жителям. Первые отчёты обещают успех. Но за каждой удачной учебной поездкой обнаруживается незаметная помощь машины: город ещё не умеет того, что уже подтвердил на бумаге. До последнего дня нужно научиться считать чужое время, признавать ошибки и просить о помощи. А Антону — отпустить сына туда, где для него есть работа. Когда осенний ветер нарушит проверенные маршруты, одних правильных инструкций окажется мало. Научно-фантастическая повесть о людях, которым предстоит заново познакомиться со своим городом.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращённый ключ	5
Глава 2. Свободный кабинет	10
Глава 3. Семь пассажиров	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

А.М. Сунгурский

Город на тридцать дней

Глава 1. Возвращённый ключ

В день увольнения городская система нашла Антону потерянную перчатку и предложила работу.

Перчатка лежала в прозрачном ящике под стойкой приёмки. Антон узнал её по ожогу на большом пальце: в июле он полез за раскалённым контактом раньше, чем следовало. На запястье кто-то аккуратно сложил резинку внутрь, как складывают чистые носки.

— Обнаружена в транспортном терминале на Лесной, — сказал «Лад». — Доставлена сюда сотрудником уборки двадцать шестого августа. Вероятность принадлежности вам высокая.

— Вероятность, — повторил Антон. — Там моя фамилия.

— Да. На внутренней стороне.

В ящике щёлкнул замок.

За восемь лет Антон привык разговаривать с «Ладом» вслух. В мастерской можно было спросить про запасной предохранитель, не вынимая рук из шкафа, или попросить вызвать человека, не снимая грязных перчаток. Иногда система отвечала не на тот вопрос. Обычно — на нужный, причём раньше, чем Антон успевал окончательно разозлиться.

Он сунул находку в карман, поставил на весы инструментальный чемодан и откинул крышку.

— Давай.

Над стойкой загорелись зелёные квадраты. Измеритель. Набор отвёрток. Обжимные клещи. Два переходника, которых в заводском наборе никогда не было, но которые Антон сам купил за восемьсот рублей и потом оформил как положено. Всё сходилось, кроме шестимиллиметровой головки.

Он проверил карман, достал конфету в мятой обёртке, ключи, оторванную молнию от сумки. Головка нашлась в левом ботинке, между язычком и шнурками. Вчера он сунул её туда, стоя на стремянке, чтобы не уронить за шкаф.

— Местонахождение установлено, — сообщил «Лад».

— Не пиши где.

— Причина задержки в акте не указывается.

Антон положил головку в гнездо и закрыл чемодан. Зелёные квадраты сменились предложением оценить удобство процедуры.

Он выбрал средний кружок.

— Что можно улучшить? — спросила система.

— Саму процедуру отменить.

— Передать предложение работодателю?

— Нет.

Говорить это было легко, пока между ними оставалась стойка и дело касалось головки на шесть. Сложнее оказалось снять с ремня старый держатель пропуска. Пластик пожелтел с одной стороны; на другой ещё держалось синее слово «Свод». Полгода назад Антон хотел заменить держатель. Решил, что этот пока работает.

На экране появилась его фотография: короткая стрижка, круглая шея, взгляд чуть мимо объектива. Восемь лет назад фотограф просил смотреть на красный огонёк, а Антон смотрел на перекошенный крепёж камеры. На фотографии это осталось.

«Имущество принято. Доступ по завершённой смене закрыт».

На этот раз система ничего не сказала.

Антон потерял пустую петлю на ремне. За стеклянной перегородкой остался один стол. За ним сидел кладовщик, дорабатывавший до пятницы. Второй стол уже разобрали; на его месте виднелось светлое прямоугольное пятно линолеума. В прежние годы здесь начинали спорить о футболе ещё до того, как снимали куртки. Теперь даже термоса ни у кого не стояло.

— На этом всё? — спросил Антон.

— У меня есть подходящее вам предложение временной работы.

Он поднял голову.

— Уже?

— Ваши профессиональные сведения были сопоставлены с открытой заявкой администрации Ветлина. Разрешение на такие предложения действует. Показать условия?

— Покажи.

На экране развернулся текст. Антон прочёл первую строку, потом вторую и вернулся к первой.

«Обучение работников городской диспетчерской. Подготовка к прекращению обслуживания системой „Лад“».

Срок — до конца сентября. Оплата за выполненную работу. Заказчик — администрация. Количество исполнителей — не определено.

— Ты меня уволил, чтобы я нашёл тебе замену?

— Решение о сокращении принял работодатель.

— Понятно. Ты только перчатку нашёл.

— И подходящую заявку.

Антон отвернулся к окну. На дворе было первое сентября, сухое и слишком тёплое для осени. У забора комбината женщина поправляла мальчику воротник. Мальчик держал букет и смотрел на закрытые ворота, за которыми стоял кран без стрелы. Видимо, ждал, пока его отпустят.

О закрытии завода объявили ещё в мае. Последний модуль для сборного дома вывезли в августе. Кран разобрали на прошлой неделе. Антон работал не на самом производстве, а в городской техслужбе подрядчика, но увольнение всё равно пришло оттуда. Пока комбинат выпускал дома, он оплачивал не только смены, но и часть того, что в Ветлине давно называли просто городом: заказ автобуса, общую диспетчерскую, доставку с большого склада.

Антон знал, что администрация ищет деньги. Не знал, что теперь искать придётся и людей.

— Можно переслать на мой телефон, — сказал он.

Предложение тут же появилось в кармане.

Это раздражало сильнее, чем если бы пришлось ждать.

Он уже взялся за ручку двери, когда в кармане звякнул маленький латунный ключ. Антон вернулся к стойке и положил его рядом с терминалом.

— Это ещё.

— Предмет отсутствует в вашем действующем списке.

— А он есть.

Ключ открывал нижний шкаф в старой диспетчерской на Лесной. Электронную защёлку туда так и не поставили: дверцу вело, замок приходилось немного приподнимать ключом. Внутри держали бумажные схемы размещения терминалов, запас кабеля и коробку с надписью «не выбрасывать», написанной рукой давно уехавшего человека.

— Уточните объект, — попросил «Лад».

Антон уточнил.

— Помещение передано муниципалитету. Приём имущества по этому объекту осуществляет администрация.

— И мне туда идти с одним ключом?

— Вы можете предварительно позвонить.

Он убрал ключ. После восьми лет обслуживания у него оставался предмет, который надо было куда-то отнести.

На улице пахло горячей пылью и школьными цветами. Антон прошёл вдоль забора, мимо проходной, где больше не нужно было прикладывать пропуск, и остановился у автоматической тележки с водой. Тележка принадлежала местному магазину; по утрам она приезжала на площадь, когда начинали собираться люди. Теперь колёса были заблокированы, а на маленьком экране висело уведомление.

«Лад завершает обслуживание Ветлина 30 сентября в 23:59».

Ниже был список того, что сохранится: электричество, водоснабжение, связь, экстренные службы. Ещё ниже — предложение прочитать о переходе городских сервисов на другой порядок работы.

Уведомление заняло всё место, где обычно выбирали бутылку.

— И как теперь купить? — спросил мужчина с двумя букетами.

— Закройте сообщение, — сказал Антон.

Мужчина ткнул в крестик. Появилась вода.

Он купил две бутылки, зажал их под мышкой и ушёл, внимательно глядя, чтобы букеты не соприкасались. Антон подождал, пока тележка снова покажет главное меню. Оно выглядело как вчера.

Телефон завибрировал. Звонил Степан.

— Сдал?

— Сдал.

— Всё приняли?

— Кроме меня.

Сын хмыкнул. По звуку за его спиной кто-то сверлил стену.

— Ты где?

— У Пашки. Помогаю полку повесить. Слушай, из областной мастерской ответили. Стажировка с третьего. Можно сначала в общежитие.

Антон смотрел на машинку с водой. По её борту шла узкая полоса засохшей грязи — от вчерашней лужи у аптеки.

— С третьего сентября?

— Да. Я же говорил, если возьмут, надо сразу ехать.

— Говорил.

— Приеду — покажу письмо.

— Показывай сейчас. Что там с оплатой?

— Пап, это не подозрительный конкурс. Ты сам их знаешь.

Антон и правда знал. Хорошая мастерская. Степан ездил туда весной, вернулся с фотографиями станков и неделю рассказывал, как у них устроено обучение. Тогда поездка сына казалась правильной и далёкой.

— Всё равно покажи, — сказал Антон.

После разговора он открыл предложение администрации. Плата была не унижительной, но небольшой. Задача занимала три экрана и сводилась к тому, что за оставшийся месяц нужно подготовить людей к работе, которую эти люди ещё не согласились выполнять.

Внизу стояло имя Марины Таль и городской номер.

Антон пошёл к администрации пешком.

В холле, где раньше всегда немного пахло мокрыми пальто, теперь пахло краской. Две стены перекрасили в светлый цвет, третью оставили на потом. Женщина у стойки спросила, записан ли он.

— Ключ сдать.

Она посмотрела на крошечный предмет в его ладони и позвонила кому-то наверху.

Через несколько минут Марина Таль сама спустилась по лестнице. Антон ожидал увидеть её с телефоном у уха, но телефона не было. Вместо него она несла стакан, в котором чай давно остыл и потемнел.

— Ракитин? Мне пришло, что ты заявку смотрел.

— Сначала ключ.

Она осмотрела бирку.

— От шкафа на Лесной. Хорошо, что сохранился.

— Забирайте.

— Сейчас оформим. А потом, возможно, опять тебе выдадим.

Антон усмехнулся. Марина не стала улыбаться в ответ.

— Я понимаю, как это выглядит. Пойдём, десять минут есть.

В кабинете у неё было открыто окно. На подоконнике стояли три засыхающих растения, каждое в своём по размеру горшке. На столе лежал бумажный лист, расчерченный ручкой на колонки. Антон давно не видел у начальства таких листов.

Марина положила ключ на край стола.

— «Лад» всё показал?

— Показал, что я буду его заменять.

— Не ты один. И не целиком. У водоканала останутся работники. Водители останутся. Районную аварийную службу никто не распускает. А вот кто кому передал заявку, кто проверил, что она исполнена, почему автобус поехал вначале туда, а не сюда, — всё это сейчас делает система. Нам нужен порядок, который выдержим мы.

— Купите систему поменьше.

— Смотрим. За меньшую тоже нужно платить. И понимать, чего она не делает. Есть предложение от перевозчика: дешёво, четыре рейса в неделю на запад. Кто-то будет ездить в поликлинику по четвергам. Если повезёт со временем приёма.

Антон сел. Марина перевернула лист, чтобы он мог прочитать колонки. Фамилий там почти не было — названия служб, деньги, вопросы. У строки «диспетчерская» стояло два вопросительных знака.

— Продлить на месяц нельзя?

— Можно купить следующий период. Компания прислала цену. Мы не потянем, даже если больше ничего не делать. До конца сентября оплачен переход: занятия, разбор данных, работа специалиста. Если просто проживём этот месяц как предыдущий, первого октября будем знать ровно столько же.

Антон постучал пальцем по бумаге.

— Здесь у тебя один диспетчер на день.

— Я написала, чтобы было с чего начинать.

— Он заболел.

— Поэтому рядом вопросительные знаки.

Антон посмотрел на неё внимательнее. Марина не пыталась продать ему красивую новую должность. Не говорила, что всё возможно, если очень захотеть. Она ждала, пока он назовёт следующее место, где план не сойдётся.

— Я терминалы чинил, — сказал он. — Не городом управлял.

— Мне не нужен управляющий городом. Мне нужен человек, который знает, где эти терминалы стоят, что к ним подключено и кому звонить, когда экран не работает. За остальным будем идти к другим.

— К кому?

— Сегодня вечером попробуем выяснить.

Она рассказала о встрече в школе. Приедет водитель, обещали быть из пекарни и мастерской. Учительница Нестерова согласилась помочь с занятиями. Специалист «Свода» приедет послезавтра. Фамилию Антон услышал впервые и не запомнил.

— Вы уже назначили меня преподавателем?

— Нет. Вот условия, заberi. Прочитаешь — решишь. Встреча открытая, прийти можно без договора.

Марина распечатала два листа. Принтер жевал бумагу шумно и медленно. Пока он работал, она внесла в систему передачу ключа, приклеила к нему новую бирку и оставила у себя.

Антону стало почему-то жаль ключ. Пока он лежал в кармане, можно было ещё зайти на Лесную и поправить перекошенную дверцу. Теперь следовало сначала спросить.

— А помещение под занятия есть? — сказал он.

— Сегодня школьный кабинет. Потом на Лесной, если там можно сидеть.

— Сидеть можно. Стульев мало.

— Сколько?

— Два нормальных. На третьем нельзя откидываться.

Марина отодвинула бумаги, взяла ручку и записала: «Стулья».

Никакая система не закончила за неё слово.

Антон перечитал условия прямо там. Поправил описание своей работы: не обучение диспетчеров вообще, а подготовка рабочего места, объяснение действующих связей и участие в учебных сменах. Марина согласилась. Полчаса ушло на новую редакцию, подписи и выдачу доступа. Платили за определённые дни и часы; остальные дела ещё предстояло распределить.

Когда он поднялся, она протянула ему латунный ключ.

На новой бирке от руки было написано: «Лесная, шкаф».

Антон вышел на площадь с бумагами и ключом. Из школы шли дети. Один тащил за собой на длинной ленте воздушный шар, и шар подпрыгивал по асфальту, никак не желая лететь. Мать несколько раз предложила взять его повыше. Ребёнок не послушал. На четвёртой ступеньке шар лопнул, и они оба остановились.

Антон обошёл их, открыл телефон и написал сыну, что вечером задержится.

Потом добавил: «Письмо из мастерской всё-таки пришли. Посмотрим общежитие».

В кармане вместе с ключом лежала перчатка. Её нашли без него. Стулья придётся искать самому.

Глава 2. Свободный кабинет

К шести вечера в четырнадцатом кабинете осталось одиннадцать стульев, на которых мог без опасения сидеть взрослый человек.

Вера проверила все. Два шатались, у третьего острый край фанеры цеплялся за одежду, ещё четыре были из начальной школы и годились разве что под сумки. Она поменяла их на стулья из соседнего класса и написала коллеге, что утром всё вернёт. Коллега ответила фотографией своего пустого кабинета и одним вопросительным знаком.

«Завтра будут», — написала Вера.

Подумала и добавила: «До первого урока».

Утро началось с фотографий на крыльце, потерянного букета и восьмиклассника, который вырос за лето так сильно, что Вера приняла его за чьего-то отца и попросила выйти из ряда учеников. Настоящий отец стоял рядом, был на две головы ниже сына и смеялся дольше всех. Потом были классный час, новые расписания, матери у дверей и обычное ощущение, что учебный год уже успел отнять больше времени, чем прошло с его начала.

Теперь ей предстояло ещё одно собрание.

Она взяла влажную тряпку и стёрла с доски пожелание удачного года. Две последние буквы пришлось тереть сильнее. Внизу осталась полоска белого мела; Вера провела по ней ещё раз и только потом повернулась к классу.

На учительском столе стоял городской терминал — небольшой экран на ножке. Его принёс школьный техник и предупредил, что микрофон сбоку, не надо кричать в стекло. Вера знала. Тем не менее, проверяя звук, наклонилась именно к стеклу.

— «Лад», ты слышишь?

— Да, Вера Андреевна. Собрание начнётся через двенадцать минут.

— Я помню.

— Показать план?

— Покажи.

План занимал шесть пунктов. После разговора с Мариной Таль Вера отправила его системе для рассылки участникам. Сначала предполагалось обсудить возможные направления обучения. Теперь эта фраза показалась ей очень длинной.

Она взяла мел и написала сверху доски: «Кто что умеет?»

В дверь заглянул мужчина с двумя пластиковыми стульями, поднятыми один над другим. Вера узнала Ракитина не сразу. Обычно он приходил в школу в рабочей куртке и шёл прямо к шкафу связи, а сейчас был в клетчатой рубашке, с закатанными рукавами.

— Их только не отдавайте завхозу, — сказал он. — Я утром обещал вернуть в буфет администрации.

— У нас тоже всё чужое.

Он оглядел кабинет, поставил стулья и проверил, не качается ли ближайший.

— Значит, хорошо подготовились.

Вера не поняла, шутит он или нет. Мужчина отошёл к окну и развернул сложенный пополам лист. На обороте виднелась печать администрации.

Следом пришёл Борис Тимофеевич, водитель, который несколько раз возил Вериних учеников на соревнования. Он снял кепку, посмотрел на первый ряд и сел за последнюю парту.

— Как в школе, — заметила Вера.

— Именно. Я сразу на своё место.

Пекаря Раю она знала по киоску возле остановки. Сегодня у Раи не было ни фартука, ни обычной муки на рукаве. В руке она держала жёсткий бумажный пакет.

— Это непроданное, — сказала Рая, увидев, что Вера смотрит на пакет. — Не реклама.

— Мы ещё ничего не сказали.

— Обычно потом говорят: как удобно, вы и в следующий раз принесите.

Она положила пакет на свободную парту и села так, чтобы видеть часы.

Пришли двое из сервисной мастерской, женщина из библиотеки, мужчина, который сразу спросил, будет ли запись. Вера пересчитала людей и добавила к списку три фамилии. Одного из приглашённых не было; он ответил на сообщение, что дежурит. Другая женщина прислала голосовое: забрать ребёнка некому, можно потом узнать, о чём договорились.

Марина Таль вошла последней. Поставила у двери сумку и попросила начать без приветственной части.

Вера встала у доски.

— Мы собрались...

И остановилась. Все смотрели на неё с тем самым выражением, которое появлялось у родителей, когда они уже знали, зачем собрались, и ждали, сколько времени у них отнимут.

— Через месяц нам нужно будет самим организовать часть городских дел, — сказала она. — Сначала давайте выясним, кто за что готов взяться.

— Мне нужно понять, что перестанет работать, — отозвался мужчина, просивший запись. — Готовность потом.

Марина кивнула:

— Правильно. «Лад», покажи перечень.

На экране появился список услуг. С последней парты его было не разобрать, и Ракитин подключил терминал к школьному проектору. Пока он возился, Вера заметила, как у него машинально потянулась рука к пустому месту на поясе.

На доске загорелись слова «Общее управление маршрутами». Потом — «Сведение и распределение заявок». Ниже шли прогнозы, совместные закупки и множество похожих строк.

— По-человечески можно? — попросил Борис Тимофеевич.

Марина взяла у Веры мел.

— Автобусы остаются. Часть — муниципальные, часть перевозит людей по отдельному договору. Водители тоже. Исчезает человек... — она поправилась: — Исчезает служба, которая знает, куда завтра нужно отвезти пять человек, где забрать ещё троих и с каким рейсом совместить коробки из пекарни. Это будем покупать отдельно или делать сами. По остальным службам так же: прежде всего теряем общую координацию.

— Насосы? — спросил кто-то.

— Продолжают работать под местным управлением. Водоканал завтра даст своё объяснение. Электричество тоже не отключается. «Лад» не электростанция.

— А тележка с водой?

Рая приподняла руку:

— Магазиновая. Её можно гонять вручную. Я у хозяина спросила.

Несколько человек сразу зашевелились. Один спросил про лифт, другой — про запись в поликлинику, библиотекаря — про заказанные из района книги. Вера стала записывать вопросы. Очень быстро они заняли больше места, чем перечень.

— Подождите, — сказала она. — Так мы до вечера...

— Уже вечер, — заметил Ракитин.

Вера едва не попросила его не перебивать. Поймала себя на этом и положила мел.

— До ночи, значит. Нужно выбрать одно дело, на котором начнём учиться.

— Я для этого и приехал, — сказал Борис Тимофеевич. — У меня завтра утренний сбор к местной поликлинике. Шесть человек с запада. Все записаны, рейс обычный. Можно вам дать составить мой лист. Я проверю перед выездом. С системой. Но машину поведу я.

— Это реальные пассажиры, — сказала Вера.

— Я ж говорю, проверю. Если вы напишете поехать через забор, я не поеду. Обычная улица, обычные люди. Не надо из этого делать запуск ракеты.

Марина спросила, можно ли провести подготовку в учебной копии задания, а рабочий рейс оставить под обычным контролем. «Лад» ответил, что можно: персональный доступ выдают назначенным работникам, готовый лист передадут водителю после стандартной проверки.

— Вот, — сказал Борис Тимофеевич. — Я то же самое, только короче.

Ракитин согласился прийти к половине восьмого. Вера начала считать время. Первый урок у неё был позже, но утреннюю поездку пришлось бы смотреть только до отправления. Сами пассажиры приедут в поликлинику уже без неё.

— Результат разберём вечером, — решила она.

— А днём кто будет работать? — спросила Рая.

Вера повернулась к ней.

— Пока выясняем, кто может участвовать.

— Я могу. Но у меня печь с шести утра. Если я приду сюда днём, булок не будет. Если ночью — я на следующий день не смогу стоять. Мне надо знать, что именно вы от меня хотите.

Марина подвинула к себе терминал. Открыла другой документ, не выводя его на доску.

— На переход выделены деньги. Немного, но оплачивать время людей можем. Не весь месяц всем подряд. Конкретную работу. Завтра с каждым, кто готов, обсудим часы и задачу. Вера, с тобой тоже.

— Я могу бесплатно, — начала Вера и увидела лицо Раи.

Та ничего не сказала. Только положила обе ладони на парту, как человек, которому сейчас придётся ещё раз объяснять простую вещь.

— Несколько встреч, — уточнила Вера. — А постоянно — надо считать.

Рая кивнула.

Разговор стал медленнее и полезнее. Библиотека могла принимать обращения от тех, кто не пользуется приложением, но не весь день: библиотекарьша работала одна. Сервисная мастерская могла подготовить три старых компьютера, если найдутся деньги на детали. Борис Тимофеевич знал двух водителей с действующими допусками, но один ухаживал за женой и не мог брать любую смену. Ракитин сообщил, что на Лесной два хороших стула и один условный.

— Уже четыре хороших, — сказала Марина. — Если я не верну эти в буфет, меня не простят, но переживу.

Вера записывала рядом с каждой фамилией время, а не только умение. Это неожиданно меняло весь список. Человек, который «может помочь», превращался в человека, доступного по средам с пяти до семи. Оставалось гораздо больше пустых клеток.

Мужчина, просивший запись, оказался электриком из соседней организации. Он мог объяснить, куда обращаться при разных неисправностях, но предупредил, что никого не станет учить лазить в действующие щиты. Вера с облегчением вписала: «Приём и передача заявки». На доске это выглядело скромнее, чем «Обучение коммунальным службам», зато она начала понимать, о чём речь.

— А сама система нас может учить? — спросил молодой работник мастерской. Кажется, Саша.

— Да, — ответил «Лад». — Доступны практические задания с контролем результата. Я также могу показывать ошибочные действия и предлагать исправления.

— И как мы поймём, что уже научились?

На доске возникла новая таблица. Для каждого выполненного задания фиксировался результат, а рядом появлялась доля успешных операций.

Вера смотрела на неё с профессиональным облегчением. Хотя бы здесь было за что взяться: исходное умение, упражнение, проверка, следующий шаг. Похожую схему она сама объясняла детям.

— Хорошо, — сказала она. — Будем отмечать, что уже получается.

Ракитин повернул свой лист чистой стороной вверх.

— А можно ещё писать, кто потом это делает, если «получается» только у одного?

Вера добавила колонку «Подмена».

За окном прошёл первый вечерний автобус. Все на секунду посмотрели туда, хотя до этого никого не интересовало, по какой причине автобус оказался у школы ровно в семь семнадцать.

Рая открыла бумажный пакет. Внутри лежали небольшие булочки, завёрнутые попарно.

— Теперь можно, — сказала она. — Пока не зачерствели.

За булками люди встали сами. Вера приготовилась раздать салфетки, но не нашла их и принесла из своего стола бумагу для принтера. Борис Тимофеевич сложил лист вчетверо и сказал, что впервые получил от школы настолько пригодный документ.

Когда собрание закончилось, на доске осталось девять задач, четыре обещания и очень много вопросов. Вера сфотографировала записи. Система предложила сразу превратить фотографию в аккуратную таблицу.

— Давай.

Пока люди одевались, «Лад» распознал фамилии, выровнял время и раскрасил строки. Одна из них была неверной: библиотекарша могла принимать обращения во вторник и четверг, а система прочитала «вт–чт» как три дня подряд.

Вера поправила клетку.

— Чуть не записали на лишнюю смену, — сказала библиотекарша, заглянув ей через плечо.

— Я проверяю.

— Это хорошо. Только я в среду не смогу, даже если очень надо.

Она сказала это без извиняющейся улыбки. Вера подумала, что сама так не умеет.

Ракитин унёс один стул к двери и вернулся за вторым.

— Завтра на Лесной? — спросила Вера.

— В половине восьмого. У вас есть бумага?

Она показала на шкаф.

— Возьмите сколько нужно.

— Листов десять. Пока город небольшой.

После его ухода Вера вернула в соседний кабинет стулья. Потом позвонила матери.

— Ты уведомление видела?

— Про систему? Видела. На остановке.

— В приложении тоже есть.

— Я твоё приложение открываю, когда ты просишь. На остановке крупнее.

Мать жила в западной части Ветлина. Когда ей требовалось съездить в центр, она подходила к уличному терминалу и говорила, куда нужно. Вера однажды настроила всё в телефоне, но мать продолжала ходить к терминалу. Там был экран покрупнее и навес на случай дождя.

— На собрание почему не пришла? Я же написала.

— А что бы я вам там сказала?

— Ты тоже пользуешься автобусом.

— Так я пассажир. Вы же собирали тех, кто умеет что-то делать.

Вера посмотрела на доску. Наверху всё ещё было написано: «Кто что умеет?»

— В следующий раз приходи, — сказала она.

— Если пригласишь, приду. У меня вечером в среду соседка, мы вместе шьём. В другие дни можно.

— Хорошо, мам.

Вера положила телефон и села за первую парту. На доске рядом с задачами были имена людей, пришедших вечером в школу. Получалось, что потребности города они собирались выяснять у тех, кто уже сумел добраться до четырнадцатого кабинета и согласился учиться после рабочего дня.

Она открыла сохранённую таблицу, добавила внизу строку «Те, кто не пришёл» и оставила её пока пустой.

Терминал предложил помочь с заполнением.

— Завтра, — сказала Вера.

До первого урока надо было успеть на Лесную. Она поставила будильник на полчаса раньше и выключила в кабинете свет.

Глава 3. Семь пассажиров

Шкаф открылся со второго раза. Антон присел перед нижней дверцей, приподнял её за ручку и повернул ключ. Когда он потянул дверцу на себя, папка с края полки упала ему на колени.

На папке было написано «Актуальное». Внутри лежала схема за 2029 год.

— Начинается хорошо, — сказала Вера.

Она пришла раньше назначенного времени и стояла у двери с двумя бумажными стаканчиками. Антон хотел сказать, что давно здесь не убрали, но передумал. Последним шкаф открывал он сам.

— Это не для маршрутов, — объяснил он. — Старая схема подключений. Вдруг кабель искать придётся.

— За девять лет кабели не изменились?

— Изменились. Поэтому папка отдельно лежит.

Вера посмотрела на слово «Актуальное», но ничего не сказала.

В помещении пахло сухой древесиной и нагретой пылью. Старая диспетчерская занимала две комнаты. В маленькой стоял шкаф связи, в большой — широкий стол, два стула и третий, который Антон предупредительно прислонил к стене спинкой. Под окном ждали два пластиковых стула из буфета: после собрания он привёз их сюда. Когда-то здесь работали четыре человека. Потом трое ушли, один перешёл в транспортную службу, а помещение стало местом, куда заходят, если перестал загораться экран.

Теперь экран загорался. Антон проверил его ещё вчера. Проверил розетки, соединение и местный телефон. Поставил чайник, найденный на верхней полке; чайник оказался чистым, но без подставки.

Вера отдала ему кофе.

— Это не предложение постоянно приносить, — сказала она.

— Рая научила?

— Быстро учусь.

На телефоне мигнуло сообщение от Степана: два снимка общежития и приписка, что у соседей есть холодильник. Антон открыл первый снимок, увеличил розетку возле кровати и закрыл. Ничего подозрительного в розетке не было. От этого стало не легче.

Он положил на стол десять листов, полученных в школе, и придвинул Вере ручку.

— Давайте людей.

«Лад» предложил начать учебное задание. Временный доступ Антона уже действовал; Вера подключилась как участник занятия. Система показала короткое напоминание: список содержит сведения для организации перевозки, пересылать его посторонним нельзя. На большом экране вместо фамилий стояли номера пассажиров и точки посадки. Имена и телефоны были доступны Антону и водителю в рабочем приложении.

Вера переписала улицы на бумагу.

Две остановки на Садовой, одна на Кирпичной, ещё две в западном районе. У двух пассажиров была общая точка посадки. До поликлиники нужно было довезти всех к девяти. Борис Тимофеевич предложил прибыть не позднее без четверти: человек должен успеть выйти, найти гардероб и нужный кабинет.

Антон нарисовал на листе неправильный прямоугольник.

— Начнём отсюда. По Садовой заберём двоих, потом налево. С Кирпичной насквозь и выйдем к магазину.

Вера посмотрела на карту.

— Здесь проезда нет.

— Всегда был.

— Серым отмечено.

Антон придвинул экран. Между двумя домами, где он помнил короткий проезд, теперь значился двор без сквозного движения. Заграждение поставили полтора года назад. Кто-то даже присылал в общий чат недовольную фотографию, и Антон её, кажется, видел.

— Тогда вокруг.

Он перечеркнул стрелку. Вера чуть подвинула к нему чистый лист, но он не взял.

В семь сорок две появился Борис Тимофеевич. Принёс складной стул и пустой контейнер из-под еды.

— Стул свой, контейнер на возврат. Если кто-нибудь спросит, я по делам.

Он поставил стул рядом с дверью и подошёл к столу.

— Через Кирпичную нельзя, — сказал он.

— Уже исправили, — ответил Антон.

— Значит, я могу обратно домой.

Работа заняла больше времени, чем ожидалось. По карте пять остановок выглядели простым делом. В действительности на одной стороне Садовой нельзя было безопасно посадить человека в этот автобус: высокий бордюр и узкий проход. У дома на Сиреневой пассажиру требовалось несколько минут, чтобы спуститься. Вера поставила две минуты, Борис Тимофеевич попросил пять.

— Он уже будет ждать, — сказала она.

— Если будет — поедем раньше. Если не будет — зачем врать бумаге?

Она исправила две минуты на пять.

У магазина в западном районе могла встать машина с разгрузкой. Антон предложил проехать мимо и развернуться дальше. Водитель показал, где удобнее заехать сразу. Постепенно нарисованный прямоугольник перестал быть похожим на карту. Вера взяла новый лист и переписала только последовательность остановок, время и количество людей.

Получилось шесть пассажиров, пять точек посадки, отправление в восемь пятнадцать, поликлиника в восемь сорок четыре.

— Одна минута запас, — сказал Борис Тимофеевич. — Щедро.

— Кроме пяти минут на Сиреневой, — возразил Антон.

— На Сиреневой это не запас. Это человеку спуститься.

Вера посмотрела на часы. Ей пора было возвращаться в школу. До первого урока оставалось сорок минут, но хотелось не влетать в кабинет вместе с учениками.

— Давайте проверим, — сказала она.

Антон ввёл остановки в учебную форму. Нажал «Передать на проверку».

Система ответила, что маршрут принят и будет включён в рабочую подготовку рейса. Рядом появилась зелёная отметка. Вера сфотографировала свой лист — без имён, только порядок остановок — и отправила в папку занятия.

— Вечером разберём, — сказала она. — Запишите, если что-то не сойдётся.

Борис Тимофеевич вышел к автобусу. Вера ушла следом. Антон ещё немного посидел над картой и отметил возле Сиреневой пять минут, обведя цифру кружком. Потом выключил большой экран, проверил окно и забрал лист с собой.

У автобуса водитель уже разглядывал рабочее задание.

— «Лад» обновил, — сказал он. — Семеро теперь. И выезд пораньше, через минуту.

Антон открыл своё приложение. Увидел новую строку: Павел Никитич Зорин, улица Прудовая. Заявка поступила в восемь ноль четыре, уже после отправки учебного списка. Ниже значилось, что она согласована для включения в этот рейс.

— Подхватил ещё одного, — сказал Антон.

— Хорошо, что заранее.

Борис Тимофеевич проверил изменённую последовательность, подтвердил, что принял её, и убрал телефон в держатель. Ничего необычного не происходило. Утренний лист менялся и раньше; для этого «Лад» и существовал.

— Ты со мной? — спросил водитель.

— Посмотрю, где наврали.

— Только сидя. Командовать из-за плеча не люблю.

Антон сел на первое пассажирское место. Водитель закрыл двери. Автобус вышел на улицу на шесть минут раньше того времени, которое они написали на бумаге.

Сначала поехали на Прудовую.

Это сразу вывело Антона из собственного маршрута. Он развернул лист, посмотрел на Садовую, записанную первой, и сунул лист обратно в карман. Пока система работала, дополнительный пассажир не был проблемой. Завтра можно будет спросить, почему она выбрала именно такой порядок.

На Прудовой возле низкого дома стоял мужчина в аккуратной светлой куртке. В одной руке он держал папку, другой прижимал к груди кепку. Когда автобус остановился, мужчина отступил от края дороги, пропуская колёса, и только потом подошёл к двери.

— Павел Никитич? — уточнил Борис Тимофеевич.

— Он самый.

— В поликлинику?

— Надеюсь, только туда и обратно.

Он поднялся в салон медленно, не принимая протянутой Антоном руки, но позволил придержать папку. Внутри было несколько чистых файлов и один пожелтевший лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.